

О НЕВОЗМОЖНОСТИ В РОССИИ ПРИЗНАТЬ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПАТЕНТ НА ЛЕКАРСТВЕННОЕ СРЕДСТВО В СЛУЧАЕ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНА ПРИ ЕГО ПРОДЛЕНИИ

МНЕНИЕ
СПЕЦИАЛИСТА

*«По закону, изданному Эдуардом VI, лорды пользуются привилегией...
Против лорда не допускается челобитная королю».*

В.Гюго «Человек, который смеется».

По мнению А.В.Залесова – канд. юрид. наук, адвоката, патентного поверенного (Москва, патентно-правовая фирма «А.Залесов и партнеры», zalesov@azalesov.com), Россия является единственной страной, где из-за отсутствия соответствующей процедуры нельзя признать недействительным продление патента, относящегося к лекарственному средству, ввиду нарушений закона при его продлении (п. 2 ст. 1363 ГК РФ) в течение всего срока действия. Важнейшим механизмом обеспечения экономических интересов правообладателя фармацевтического патента является возможность продлить его с целью компенсации временных потерь в использовании запатентованного изобретения, связанных с длительной регистрацией лекарственного средства для допуска на рынок. В свою очередь, важнейшим механизмом обеспечения общественного интереса и контроля законности монополии является возможность оспаривания выданного патента в течение всего срока его действия.

Ключевые слова: лекарственное средство, дополнительный патент, продление срока действия патента, правообладатель, ненормативный правовой акт Роспатента, Суд по интеллектуальным правам.

ON THE IMPOSSIBILITY IN RUSSIA TO INVALIDATE A PATENT IN ADDITION FOR MEDICINAL PRODUCT IN CASE OF VIOLATION OF THE LAW DURING ITS EXTENSION

According to A.V.Zalesov, PhD, lawyer, patent attorney (Moscow, Patent law firm «A. Zalesov & Partners», zalesov@azalesov.com), Russia is the only country where due to the lack of the procedure does not invalidate the extension of the patent relating to medicinal product in view of the violations of the law at its extension (paragraph 2, Article 1363 of the Civil Code of the Russian Federation) during the entire validity period. The most important mechanism for ensuring the economic interests of the copyright holder of a pharmaceutical patent is the ability to extend it in order to compensate for temporary losses in the use of the patented invention associated with the long period of registration of the drug for admission to the market. In turn, the most important mechanism for ensuring the public interest and monitoring the legality of the monopoly is the possibility of challenging the granted patent during the entire period of its validity.

Key words: medicinal product, additional patent, extension of the patent validity period, copyright holder, non-normative legal act of Rospatent, Intellectual Property Rights Court.

В настоящее время в России вместо процедуры признания недействительным продления применяется общий порядок обжалования ненормативного правового акта Роспатента

(о продлении и выдаче дополнительного патента), что согласно п. 4 ст. 198 АПК РФ возможно в течение трех месяцев с момента, когда экономически заинтересованное в обжаловании лицо

узнало о нарушении своих прав, а по сути – о факте продления патента. Недавно Суд по интеллектуальным правам значительно ужесточил применение данного требования, фактически введя презумпцию осведомленности о факте продления патента оригинатора для дженериковых фармацевтических компаний. Таким образом, оказался нарушен баланс интересов общества и владельцев патентной монополии на лекарство, поскольку правомерность установления патентной монополии на дополнительные пять лет не может быть проверена в судебном порядке. Это противоречит сути патентной системы. Полагаем, что исправление ситуации возможно либо системным толкованием процессуального закона с учетом разъяснений Конституционного суда Российской Федерации, либо внесением соответствующих изменений в ст. 1398 ГК РФ.

Все теории, обосновывающие правомерность, общественную полезность и экономическую эффективность патентной системы, так или иначе сводятся к тому, что ограниченная во времени патентная монополия на изобретение, предоставляемая государством в обмен на его раскрытие с последующим переходом в общественное достояние, обеспечивает оптимальный баланс интересов изобретателя-патентообладателя и общества в условиях рыночной экономики. Изобретатель таким образом получает возможность через коммерциализацию охраняемого патентом изобретения получить справедливую компенсацию за свой творческий вклад в научно-технический прогресс.

Важным элементом поддержания этого справедливого баланса, призванным не допустить его искажения, является возможность любого лица оспорить правомерность установления патентной монополии в течение всего срока ее действия. Монополия, установленная с нарушением закона, противоречит требованиям законодательства независимо от вида нарушения – непатентоспособности изобретения, присвоения чужого авторства, неправомерности подачи заявки и т.д. Единственный правомерный выход из

такой ситуации – признание выданной монополии недействительной и аннулирование патента. При этом при решении о частичной недействительности патента имеется возможность установить правильную монополию и получить новый правильный патент. Соглашаясь с монопольным характером патентного права как базовым принципом функционирования патентной системы, нужно всегда помнить, что возможность оспорить выданный патент – это реализация защитного механизма общества, это необходимо не только ради частного, но и публичного интереса.

Как справедливо отметил президиум Суда по интеллектуальным правам в постановлении по делу № СИП-219/2016: *«Возможность оспаривания патента в период своего действия, помимо частного интереса, который может быть у лица, подающего возражение, преследует также публичный интерес, заключающийся в том, чтобы неправомерно выданные патенты не препятствовали развитию науки и ведению третьими лица-*

ми деятельности с использованием неохраноспособных технических решений. Поэтому оспаривание патентов допускается любыми лицами в период срока их действия. Такой публичный интерес сохраняется, пока сохраняется действие патента или возможность его восстановления».

Теперь представим, что правомерность установления патентной монополии можно оспорить не в течение всего срока ее действия, а лишь в течение трех месяцев с момента установления, и не любым лицом, а коммерчески заинтересованным в оспаривании. То есть вы обращаетесь в контрольный орган, например, в суд, а там говорят, предварительно проверив наличие вашего экономического интереса к оспариванию монополии, примерно следующее: *«Да, в вашем заявлении верно указано, монополия действительно незаконная, но вы не успели подать заявление в течение трех месяцев с момента ее установления. Поскольку вы – профессиональный участник оборота, то должны были, конечно, знать об этой монополии. Поэтому мы вам отказываем в признании незаконной монополии недействительной из-за пропуска срока обжалования – пусть монополист получает дальше сверхприбыль от своей незаконной монополии».* Получается, что В.Гюго верно отметил в своем романе «Человек, который смеется»: на лорда, владельца привилегии (патентной монополии), нельзя пожаловаться челобитной королю (в суд)? Но ведь такой подход совершенно не учитывает интересы общества как неограниченного круга лиц, которые будут дальше платить монополю высокую цену лорду – незаконному монополисту?

Как уже было сказано, Россия – прак-

тически единственная страна с хорошо развитой патентной системой, где из-за отсутствия соответствующей процедуры нельзя признать недействительным продление патента на лекарственное средство ввиду нарушений закона при его продлении (п. 2 ст. 1363 ГК РФ). В настоящее время у нас в стране вместо правового механизма признания недействительным продления патента применяется общий порядок обжалования ненормативного правового акта Роспатента (о продлении и выдаче дополнительного патента). Это согласно п. 4 ст. 198 АПК РФ возможно в течение трех месяцев с момента, когда экономически заинтересованное в обжаловании лицо узнало о нарушении своих прав, а по сути – о факте продления патента. Российского законодателя при введении такого порядка не насторожило, что ни одна другая страна мира не может себе позволить проверять законность монополии на лекарства лишь в течение трех месяцев после ее установления.

Известно, что патентная охрана лекарственных средств является одной из наиболее востребованных сфер патентной системы. Однако так было далеко не всегда. Напомним, что до 1990 гг. на большей части нашей планеты (в частности, почти во всех развивающихся странах) лекарства не охранялись патентами, поскольку монополия, пусть даже ограниченная во времени, на средства лечения считалась противоречащей нормам морали (читай – общественным интересам, как это тогда понималось в этих странах).

Ситуация радикально изменилась в связи с распространением членства в ВТО и присоединением большинства стран к Соглашению ТРИПС, предписывающему введение патентной охраны на лекарства в странах-участницах. В

обоснование необходимости эффективной патентной защиты для новых лекарств лоббисты ссылались на высокую стоимость исследований и клинических испытаний и указывали, что отсутствие возможности получения патента на дорогостоящее новшество лишит инновационные компании стимула инвестировать в новые разработки, в связи с чем «прогресс прекратится». Помимо этого, продолжительное время занимают клинические исследования и прохождение регистрационных процедур для допуска лекарственного средства на определенный рынок. Длительная процедура допуска может уменьшить эффективное время использования патентной монополии и сделать ее существенно меньше стандартных 20 лет с даты подачи заявки на патент. Для исправления ситуации в Соглашении ТРИПС предусматривалось введение льготы для патентов на лекарственные средства (а также агрохимикаты), а именно: возможность продления их действия с учетом времени, затраченного на регистрацию, но не более чем на пять лет.

Можно согласиться с тем, что схема бизнеса фармацевтической компании-оригинатора действительно предусматривает, что сверхприбыль монополиста идет на дорогостоящую разработку новых лекарств. Этот механизм работает в интересах общества, но он будет сбалансирован, если проверка обоснованности установления патентной монополии на лекарство в течение всего срока ее действия станет безусловным правом любого лица, действующего не только в своем интересе, но и в интересах общества.

Изложим кратко **механизм продления патента в России**. Продление срока действия патента, относящегося к

лекарственному средству, осуществляется Роспатентом согласно нормативно установленному порядку¹. Роспатент фактически проводит дополнительную подробную экспертизу на соответствие заявления и обстоятельств дела по продлению патента требованиям ст. 1363 ГК РФ. В частности, **экспертизой ФИПС устанавливается:**

характеризует ли формула изобретения продукт, который относится к лекарственному средству, при этом к таковым относятся только формула, характеризующая соединение и/или композицию;

относится ли полученное разрешение к первому разрешению, и определяется день получения первого разрешения.

При положительном решении такой экспертизы Роспатент выдает дополнительный патент на срок до пяти лет, объем правовой охраны которого определяет новая формула изобретения, содержащая совокупность признаков запатентованного изобретения, характеризующих продукт, на применение которого получено разрешение. Качество экспертизы ФИПС заявления на продление патента и ее методический уровень сейчас достаточно высокий.

Ранее, когда механизм продления только устанавливался, вынесенные решения о продлении могли содержать ошибки. Нарушения часто были связаны с отсутствием четкого толкования новых понятий (например, что значит, если изобретение относится к лекарственному средству), а также иногда с некорректными (чтобы не сказать – вво-

¹ Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 3 ноября 2015 г. № 809 «Об утверждении Порядка выдачи и действия дополнительного патента на изобретение, продления срока действия патента на изобретение».

дьящими в заблуждение) документами, представляемыми патентообладателями вместе с заявлением (например, представленное регистрационное удостоверение относилось не к первому разрешению на использование изобретения в лекарственном средстве). Более того, ранее Роспатент продлевал патент с первоначальной формулой (например, на всю формулу Маркуша), а не выдавал дополнительный патент с формулой только на конкретное лекарственное средство. Очевидно, что такая практика противоречит современному толкованию п. 2 ст. 1363 ГК РФ (хотя в этой части формулировка закона не изменилась). Такие давно продленные и чрезвычайно широкие патенты действуют в настоящее время и определяют фармацевтический рынок для ряда важнейших препаратов.

В чем фундаментальная проблема существующей российской системы контроля описанного выше механизма, которая должна предусматривать возможность исправления ошибки – нарушение закона при продлении патента, в том числе на жизненно важные лекарственные средства? В России в соответствии с международными стандартами патентной охраны обращение в контрольный орган (суд или Роспатент) с возражением против выдачи патента или с иском к патентообладателю (в зависимости от основания) согласно ст. 1398 ГК РФ возможно любым лицом в течение всего срока действия патента. Но в тексте ст. 1398 ГК РФ напрочь забыто о необходимости проверки законности продления патентной монополии, то есть выдачи дополнительного патента, осуществляемого по ст. 1363 ГК РФ, что должно быть возможно также в течение всего срока ее действия. Такого основания как нарушение требований ст. 1363

ГК РФ при выдаче дополнительного патента среди оснований для подачи любым лицом возражения в Роспатент (или иска в суд) в законе нет.

Реализовать право судебной проверки законности продления монополии можно только в общем порядке оспаривания ненормативно-правового акта государственного органа (Роспатента). В соответствии с п. 4 ст. 198 АПК РФ заявление может быть подано в арбитражный суд в течение трех месяцев со дня, когда гражданину, организации стало известно о нарушении их прав и законных интересов, если иное не установлено федеральным законом. При этом согласно п. 1 ст. 4 АПК РФ в арбитражный суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов вправе обратиться лишь заинтересованное лицо. То есть для обращения в суд с заявлением о признании недействительным ненормативного акта Роспатента о продлении патента на лекарство требуется обосновать нарушение права или иного экономического интереса заявителя.

Таким образом, правом на проверку законности патентной монополии на лекарство обладает не любое, а только заинтересованное лицо. Применение такого порядка неоправданно сужает круг лиц, имеющих право оспорить патентную монополию, что противоречит требованию обеспечения общественного интереса.

Интересно представить, что произойдет в случае обращения в Суд по интеллектуальным правам пациента – потребителя дорогостоящего запатентованного лекарственного средства – в плане признания его заинтересованным лицом в смысле положений п. 1 ст. 4 АПК РФ для того, чтобы он смог оспорить продление патента на лекарство

со ссылкой, что в результате незаконно продленной Роспатентом патентной монополии его лекарство слишком дорого стоит, и это нарушает его право на охрану здоровья ввиду недостаточности средств на покупку данного лекарства.

Примечательно, что если такое лицо будет признано заинтересованным в смысле ст. 4 АПК РФ, то введение в арбитражный процесс мольеровского больного может стать единственным выходом для обеспечения возможности обратиться в суд для проверки законности монополии на это лекарство в порядке, соответствующем требованиям п. 4 ст. 198 АПК РФ в части исчисления трехмесячного срока с момента, когда гражданин узнал о нарушении его прав на охрану здоровья незаконным продлением патента, состоявшимся много-много лет назад. Вместе с тем очевидная искусственность такого умозрительного доступа к правосудию явно указывает, что правильный механизм судебного контроля должен работать иначе.

Ранее Суд по интеллектуальным правам, на наш взгляд, правомерно подходил либерально к оценке факта осведомленности о нарушении прав заявителя продлением чужого патента. Суд априори отказывался признавать обязательной такую осведомленность о продлении патента, исходя из «разумной осмотрительности» фармацевтической компании как профессионального игрока рынка. Так, в одном из первых своих решений о проверке законности продления патента на лекарство Суд по интеллектуальным правам в деле № СИП-155/2014 указал:

«В своих письменных пояснениях и устно в судебном заседании представители ОАО «Верофарм» ссылались

на то, что узнали о продлении срока действия патента Российской Федерации № 2481827 в январе 2014 г. при подготовке к судебному разбирательству по другому делу с участием компании «Авентис Фарма». Также в материалы дела заявителем представлена копия письма ОАО «Верофарм» в адрес Роспатента и ФГБУ «ФИПС» от 16.10.2012 (т. 1, л.д. 19–20), в котором сообщается о том, что заявителю стало известно о подаче компанией «Авентис Фарма» заявления о продлении патента. ...В такой ситуации ссылки Роспатента и компании «Авентис Фарма» на то, что заявитель должен был проявить разумную осмотрительность, своевременно отслеживать публикации сообщений о продлении срока действия патента и допустил пропуск трехмесячного срока на обращение в суд, признаются судом необоснованными. При этом судом принимается довод заявителя о получении сведений, связанных с продлением срока действия патента Российской Федерации № 2481827, в январе 2014 г., в связи с чем установленный частью 4 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации срок подачи заявления в суд не считается истекшим, поскольку заявитель обратился в суд 11 марта 2014 г.».

Однако в последнее время Суд по интеллектуальным правам стал относиться к исчислению трехмесячного срока обращения по п. 4 ст. 198 АПК РФ более критично, полагая, что фармацевтическая компания, разрабатывая собственные аналоги оригинального препарата, знает о нарушении своих прав незаконным продлением патента оригинатора. Так, в решении по делу № СИП 461/2020 отмечено: «Между тем

судебная коллегия критически относится к возможности начала исчисления процессуального срока на подачу заявления, предусмотренного частью 4 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, с 13 марта 2020 г. Судебная коллегия принимает во внимание, что доказательства, представленные заявителем в обоснование момента, с которого подлежит исчислению срок на подачу заявления, были подготовлены либо самим заявителем, либо его представителями (юристами компании «Лидингс»), вследствие чего у суда отсутствует объективная возможность проверки реальной даты составления названных документов...

Норма части 4 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации предполагает для суда необходимость при рассмотрении поданного заявления принять во внимание все значимые для правильного решения дела фактические обстоятельства, позволяющие доподлинно установить момент, когда заинтересованному лицу стало известно о нарушении его прав и законных интересов, оценивая имеющиеся в деле доказательства на предмет относимости, допустимости и достоверности, а также достаточности и взаимной связи доказательств в их совокупности по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании.

Судебная коллегия полагает заслуживающим внимания аргумент третьего лица о том, что проверка соблюдения процессуального срока для обращения в суд с заявлением об оспаривании законности действий административного органа исклю-

чительно на основании документов, подготовленных самим заявителем, в отсутствие у суда возможности объективной проверки момента составления данных документов привела бы к тому, что норма части 4 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации de facto перестанет действовать. В такой ситуации невозможно обеспечить стабильность, правовую определенность и предсказуемость правовых условий для субъектов экономических правоотношений... Следовательно, при осуществлении деятельности по разработке биоаналогов названного лекарственного препарата общество «Герофарм», являясь крупной фармацевтической компанией, достоверно знало о существовании инсулина деглудек и его патентной защиты».

При этом рассмотренные Судом по интеллектуальным правам правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации в отношении применения трехмесячного срока на обращение в суд как пресекающего менее категоричны и фактически указывают на возможность восстановления данного срока при уважительности его пропуска.

Как указал Конституционный суд Российской Федерации в определении от 2 декабря 2013 г. № 1908-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Строительная компания «Строй-Инвест» на нарушение конституционных прав и свобод положением части 4 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации», Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому право на судебную защиту его прав и свобод и на обжалование в суд решений, действий (или бездействия) органов госу-

дарственной власти, не устанавливает непосредственно определенный порядок реализации этого права. Способы и процедуры судебной защиты, их особенности применительно к отдельным видам судопроизводства и конкретным категориям дел определяются исходя из Конституции Российской Федерации, федеральных законов. Это предполагает, что федеральный законодатель в соответствии со ст. 71 Конституции Российской Федерации уполномочен, в частности, в пределах имеющейся у него свободы усмотрения устанавливать сроки для обращения в суд, порядок их течения во времени, момент начала и окончания, с тем чтобы обеспечивать как реальную возможность судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и их объединений, так и стабильность, определенность и предсказуемость правовых условий для субъектов соответствующих правоотношений. В целях гарантирования правовой определенности и устойчивости сложившихся правоотношений законодатель во всяком случае должен стремиться к тому, чтобы судебно-юрисдикционные механизмы обеспечивали эффективное и своевременное, без неоправданного отлагательства, разрешение вопросов, связанных с предполагаемым нарушением прав и законных интересов, и исключить возникновение ситуаций, при которых такие механизмы могли бы использоваться в том числе путем возбуждения судебной процедуры спустя чрезмерно длительный после наступления обстоятельств, с которыми заявитель связывает обращение в суд, период – вопреки их основному предназначению, вытекающему из самой сущности правосудия, отвечающего требованиям справедливости, с единственной целью причине-

ния вреда интересам других лиц, что означало бы злоупотребление правом.

Конституционным судом Российской Федерации в определении от 18 ноября 2004 г. № 367-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Владимир и Ольга» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 52 и частью 4 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» отмечено, что само по себе установление в законе сроков для обращения в суд с заявлениями о признании ненормативных правовых актов недействительными, а решений, действий (бездействия) незаконными обусловлено необходимостью обеспечить стабильность и определенность административных и иных публичных правоотношений и не может рассматриваться как нарушающее право на судебную защиту, поскольку несоблюдение установленного срока в силу соответствующих норм АПК РФ не является основанием для отказа в принятии заявлений по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Вопрос о причинах пропуска срока решается судом после возбуждения дела, то есть в судебном заседании. Заинтересованные лица вправе ходатайствовать о восстановлении пропущенного срока, и, если пропуск срока был обусловлен уважительными причинами, такого рода ходатайства подлежат удовлетворению судом (четвертая часть ст. 198 АПК РФ).

Изучив приведенные выше подходы Конституционного суда Российской Федерации к толкованию положений п. 4 ст. 198 АПК, следует отметить, что вопросы проверки законности продления патента ни в коей мере не могут рассматриваться как осуществляемые «во-

преки их основному предназначению, вытекающему из самой сущности правосудия, отвечающего требованиям справедливости, с единственной целью причинения вреда интересам других лиц, что означало бы злоупотребление правом». Все обстоит ровно наоборот. Право на обращение в суд в течение всего срока действия патента для проверки законности его выдачи и продления полностью отвечает требованиям справедливости и интересам общества. В этой связи формально ограничительное толкование п. 4 ст. 198 АПК РФ применительно к заявлениям о проверке на нарушения положений п. 2 ст. 1363 ГК РФ при продлении патента, на наш взгляд, не учитывает конституционных положений, высказанных в процитированных в судебных актах Конституционного суда Российской Федерации.

Более того, дата возникновения осведомленности о продлении патента на оригинальный препарат и дата возникновения осведомленности о том, что этим было нарушено субъективное право или интерес фармацевтической компании, планирующей выпуск воспроизведенного препарата, очевидно, совершенно разные даты. Чтобы констатировать нарушение права, нужно увидеть, найти, обнаружить нарушение закона при продлении, что сама фармацевтическая компания (в лице ее исполнительных органов) сделать, как правило, не может. Для этого ей нужно получить материалы дела о продлении патента в Роспатенте и на их основе получить консультацию юриста, на что требуется значительное время. Таким образом, момент осведомленности о факте нарушения своего права для фармацевтической компании действительно наступает гораздо позднее, чем

если бы она просто узнала о факте существования продленного патента.

В дополнение к изложенному еще раз отметим, что возможность оспаривания правомерности продления патента на лекарство в течение всего срока его действия в других странах не подвергается сомнению. Например, 22 сентября 2020 г. федеральный суд справедливости Германии признал недействительным дополнительный патент (вернее, дополнительный сертификат охраны SPC), выданный фирме «Джилеад» в 2005 г. на лекарственный препарат «трувада» для лечения заболевания, вызываемого ВИЧ (дело № X ZR 172/18). Ранее, 25 июля 2018 г., по аналогу данного дополнительного патента, выданному в Великобритании, аналогичную позицию о признании его недействительным занял Европейский суд справедливости (дело № C-121/17). Основанием для такого решения было нарушение при продлении в каждой из данных стран первоначального европейского патента № EP 9158940, охраняющего вещество «тенофовир дизопрасил», так как лекарственное средство «трувада», зарегистрированное в ЕС в 2005 г., в качестве действующего вещества включает не «тенофовир дизопрасилодин», а его комбинацию с другим веществом – «эмитрицитабин». Суд установил, что при продлении было незаконно установлено, что изобретение по патенту № EP 9158940 относится к лекарственному средству «трувада».

Отметим, что решение о признании продления патента недействительным по иску фармацевтических компаний – изготовителей дженериков было принято высокими судами Германии и Великобритании спустя соответственно 15 и 13 лет после факта продления. Никто из дженериковых компаний не доказывал

в судах, что «они узнали о продлении совсем недавно и почти случайно от юристов». Полагаем, в данных странах невозможен ограничительный подход на обжалование выданного или продленного патента на лекарство, как это имеет место в России. В этих юрисдикциях и законодатели, и правоприменители прекрасно понимают, что право на оспаривание – это защита не только частного, но и общественного интереса, причем в такой чувствительной сфере как общественное здоровье.

Исходя из изложенного, учитывая теорию патентного права и опыт практически всех развитых патентных юрисдикций, полагаем, что в нашей стране явно нарушен баланс интересов общества и владельцев патентной монополии на лекарство, поскольку правомерность установления патентной монополии на дополнительные пять лет не может быть проверена в судебном

порядке. Считаем, что нормализовать ситуацию можно системным (не ограничительно-формальным, а учитывающим положения Конституции Российской Федерации) толкованием процессуального закона (п. 4 ст. 198 АПК РФ) либо внесением соответствующих изменений в ст. 1398 ГК РФ.

Список литературы

1. *Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации Часть четвертая/Под ред. А.П.Сергеева. М.: Проспект, 2016.*
2. *Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации/Под ред. А.Л.Маковского. М.: Статут, 2008.*
3. *Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав/Под общ. ред. Л.А.Новоселовой. М.: Норма, 2014.*

БЛОКЧЕЙН В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: НОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Развитие глобального общества диктует необходимость активно использовать цифровую среду как в традиционных отраслях экономики, так и в сфере интеллектуальной собственности. Блокчейн, по мнению Д.М.Цукерблата – канд. пед. наук, ведущего научного сотрудника ГПНТБ СО РАН (Новосибирск, polyakova@spsl.nsc.ru), можно использовать в различных целях: чтобы зафиксировать право, посчитать и сделать прозрачным использование объектов, а также, чтобы создавать продукты на смежных рынках. Особое внимание уделяется позиции Роспатента по использованию блокчейн-технологий при патентовании для обеспечения механизма распоряжения правами.

Ключевые слова: цифровая среда, интеллектуальная собственность, блокчейн, блокчейн-технология, сеть IPChain.